Посвящается
патриотам 90-х

АНТОЛОГИЯ «ОТЕЧЕСТВА»

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ, ОЧЕРКИ, ВЫСТУПЛЕНИЯ ЮРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ЛИПАТНИКОВА

Екатеринбург
2019г.

ББК 66.3. (2Рос)12
Л61
Антология «ОТЕЧЕСТВА» выпуск-1. Избранные статьи, очерки, выступления Юрия Васильевича Липатникова. Екатеринбург. 2019. 46с.
В выпуске использованы материалы сборника - "Русь многоликая. Думы о национальном." Москва, Издательство "Советский писатель", 1990 (Составитель Д.Н. Меркулов)

Данный сборник открывает новую страницу деятельности Региональной общественной организации Общество Русской культуры « Отечество».

То, что данная антология начинается с трудов Юрия Васильевича символично и тем, что он был организатором «ОТЕЧЕСТВА», и тем, что он стоял на переднем крае противостояния патриотической и «либерально – демократической» социальных групп.

Позиция патриотов нашла свое отражение в статьях и выступлениях Липатникова, которые были приведены в первом сборнике, вышедшем в 1995 году. Они разноплановы и по тематике, и по стилю. Однако их объединяет высокое духовное и интеллектуальное служение интересам Родины и Русского народа.

Сегодня, когда все более размываются понятия чести, благородства, товарищества, верности Родине, народу, семье, мы должны помнить тех, кто стоял на передовой и всей своей жизнью доказал верность тем историческим идеалам, которые чуждая России либеральная прослойка пытается инвертировать, изолгать и свести на нет…

В дальнейшем антология «ОТЕЧЕСТВА» будет размещать материалы, отвечающие интересам сохранения самобытной культуры Русского народа, сохранения его целостности, приумножения социальной справедливости в регионе и стране в том ключе, который был задан патриотами 90-х. А одним из лидеров этого движения был Юрий Васильевич Липатников.

ОТ РЕДАКЦИИ

Фамилию Липатников я впервые услышала в конце 1980-х, когда переехала в Свердловск, поступив на журфак. Звучала эта фамилия тогда пугающе. Все мы, молодые и амбициозные, были в ту пору стихийными демократами, которых перестройка заставила поверить в свободу слова и научила подходить к любому вопросу критически. Но если критиковать коммунистов было можно и даже модно, то русская идея права голоса не имела. Даже просто патриотическая риторика считалась мракобесием, а русские националистические течения сразу попадали под пресс спецслужб и средств массовой информации. Они представляли «просвещенной» публике возникшие в те годы «Память» в Новосибирске и «Отечество» в Свердловске кем-то вроде племени людоедов, которые были даже страшнее и опаснее коммунистов.

Когда через пару лет жизнь свела с Юрием Васильевичем лично, этот «монстр» оказался удивительным человеком: потрясающе эрудированным, интереснейшим собеседником, глубоким аналитиком, привыкшим досконально разбираться в интересующих его вопросах. Возможно, это было профессиональной привычкой: в то время еще встречались журналисты, которых работа в советских СМИ не превратила в борзописцев, — привыкшие отвечать за каждое написанное слово, каждый приведенный факт и сделанный вывод. Для этого у Липатникова имелся громадный личный архив, и он был понадежнее гугла.

К сожалению, Липатникова как коллегу-журналиста я открыла для себя слишком поздно — уже после его смерти, когда собирала материал о нем для дипломной работы. Безумно жаль, ведь было чему поучиться. А в те бурные годы, когда помогала ему с выпуском газеты «Русский союз», он был уже не журналистом, а ярким, заметным политиком и блестящим публицистом. Безусловным лидером, духовным вождем, собравшим вокруг себя единомышленников. Нас было не так много, и все мы пришли к

русской идее разными тропами — порой наугад, ощупью, на зов, на тихий голос своей русской души. Юрий Васильевич не только больше других знал об этом голосе, но и умел очень четко формулировать: открыто называть проблемы нашей страны, нашего народа и тех, кто их создает и какими методами. Интеллигентный и скромный, болезненно щепетильный и деликатный в личном общении, на митинге Липатников превращался в эмоционального и яркого оратора. Понятно, какие чувства это будило у его заклятых оппонентов.

Ему открыто угрожали, но в то время мы, постсоветские люди, еще не привыкли бояться. И когда он говорил о всемирном правительстве и истинных движителях общественных процессов, честно говоря, наивно не верилось, казалось преувеличением. Вдруг стало страшно и ясно — да, все это правда! — когда его убили. Шальной автомобиль на пустынной ночной улице Челябинска, куда Липатников приехал для встречи с единомышленниками, — нет, таких случайностей не бывает.

Мы не испугались после его гибели и не отказались от своих идей. Но лидера, за которым пошли бы и на битву, и на плаху, увы, в то время не было.

С того дня минула уже четверть века. После черного августа 1993-го был черный октябрь. Разумеется, размышляла я потом, Юрий Васильевич был бы в те дни среди защитников «белого дома», где многие настоящие патриоты сложили буйные головы. И все эти черные годы конца XX века нас уничижительно именовали «красно-коричневыми», а мы носили этот ярлык как награду.

И вот, слово «патриот» наконец перестало быть ругательным и зазвучало с самых вершин российской власти. Русским разрешили гордиться нашей победой в 1945-м, нашей историей, нашей наукой. И даже клейменый тем же клеймом Проханов теперь выступает по центральным телеканалам. И Липатников бы мог. И, думаю, вновь сказал бы много нелицеприятного о тех, кому не понравилось бы это слышать. И вновь расставил бы акценты так, что всем стало понятно, кому выгоден религиозный экстремизм и глобальный экономический

кризис, кто под бесконечные разговоры о пагубной политике украинских властей тихой сапой разгоняет волну очередного ограбления русского народа. Нам очень не хватает сегодня вашего аналитического взгляда и беспощадного слова публициста, Юрий Васильевич.

В 1995 году увидела свет небольшая брошюрка «Современная уральская оппозиционная печать. Публицистика Ю.В. Липатникова». Она заканчивалась такими словами: «Мы надеемся, что нам хватит сил для последующих изданий творческого наследия журналиста, политика, патриота Юрия Васильевича Липатникова». Ко дню его светлой памяти соратники сумели подготовить такое издание. Идеи, предложения, выводы его статей по-прежнему актуальны: умеющий читать найдет в них много параллелей с сегодняшним днем и сможет под другим углом посмотреть на известные факты.

Юлия Санатина

Юрий Липатников
г. Свердловск

«ОТЕЧЕСТВО»
Статьи, заметки, обращения

Осенью 1986 года в Свердловске обострилась градостроительная ситуация (она и сейчас остра, но реакция на нее поугасла). Свердловчане в небывалом числе массово возмутились грубым (очередным) вмешательством в историческую застройку, возмутились грозящим искажением облика площади 1905 года. Одна за другой шли дискуссии о судьбе революционной площади. В городе открылись донные ключи общественного мнения, родники чувств и мыслей, казалось бы навсегда заиленные в эпоху застоя и застолья. Это было не то привычное общественное мнение, вызванное на свет лишь для того, чтобы начальство продемонстрировало его более высокому начальству. Бюрократ всегда был доволен отечественным общественным мнением, оно было ручным, подручным, послушным. Скажет бюрократ, чтобы общественное мнение на этой неделе с понедельника до четверга было смелым в отношении того-то и того-то, и общественное мнение рвется с поводка... Надо ли еще тратить слова, чтобы было понятно, какое общественное мнение жило и живет еще в прессе, на радио и телевидении? Его добывают из реального общественного мнения, возникающего в народе, так же ловко, как фокусник на виду у публики вытягивает из черного цилиндра за уши кролика.

Так вот: в публичных спорах с администраторами от архитектуры, в эмоциональной защите площади 1905 года и появится тот кристалл, то ядро кристаллизации, группа людей (художник Сакнынь, журналисты Липатников и Кулешов, архитектор Симиненко, краевед Бальчугов и другие — числом до десяти), вокруг которых образовывается историко-культурное объединение

«Отечество» (рабочие названия объединения возникали и отвергались — «Патриот», «Родина»).

23 декабря в полукруглом фойе ДК им. Свердлова состоялось первое организационное собрание. У «Отечества» (с административной точки зрения) уже был маленький парус — распоряжение заведующего отделом культуры Ленинского райисполкома В. Бутакова (ныне — партийный работник). И когда прошла зрительская конференция, посвященная спектаклям «Недоросль» (ТЮЗ) и «Сказка о царе Салтане» (театр оперы и балета), на крохотный кораблик «Отечества» театральная корпорация спустила с цепи тайфун диффамации. Корпорация употребила всю свою застоявшуюся матерую силу. Многим тогда казалось, что распоряжение райисполкома вот-вот будет сорвано с мачты «Отечества» и над ним сомкнутся мертвые воды забвения. Но ничего такого с «Отечеством» не случилось до сих пор, хотя пророки местного значения — Вольфрам Панпурин и Яков Тубин— по свердловскому радио кликали нам скорое социальное небытие.

Отчего же все-таки колючий кораблик бежит себе по крутым волнам?

Конечно, «Отечество» стремится вперед на светлеющем политическом фоне. Это главное. Ну и оттого, что экипаж активен и дружен. Правда, был случай, когда двое-трое из команды попросили спустить на воду шлюпку, так как полагали: «Отечество» поползет вдоль береговой кромки, очерченной аппаратом, а оно понеслось в открытое море общественной жизни. И они сели в шлюпку, прижимая к груди партпрофбилеты... Если прямым текстом, то выбор был таков: кропотливое культуртрегерство или идеологические конфликты, разучивание старинных песен или поиск глубинных социально-исторических причин онемения большей части русской культуры. Между этими точками зрения полетели тогда искры. Их старательно раздували, чтобы в огне междоусобиц дело сгорело дотла.

А совет «Отечества» между тем крепко стоял на ногах: противоречия между культуртрегерством и осмысленным, страстным

постижением национальной беды нет. Нужно единство практического дела и идеологической работы. Это единство — да, это так! — не достижимо до сих пор. Но не из-за идейной недостаточности, а более всего из-за того, что бюрократы к практической деятельности нас как раз и не подпускают, не регистрируя устав, не давая нам обрести статус общества.

Все это пишется, так сказать, на коленке. Еще некогда вспоминать. Еще хватает бегущих дел. А надо бы ответить на много вопросов — кто знает, возможно, это есть сегодня самое главное дело.

Например, почему нас то чернят, то замалчивают? Оппоненты в начале прошлого года с дьявольской цепкостью ухватились за крошечное проявление вульгарного антисионизма, допущенное двумя-тремя ораторами, выступавшими от своего времени, а не от имени «Отечества». Оппоненты сразу же вывернули шубу мехом наружу. И водят этот мохнатый миф об «Отечестве» по газетам, доступным только для них.

Нетрудно догадаться, кто антисионизм представляет антисемитизмом. Впрочем, разговор на эту тему — долой. Он съедает энергию. И только. Он выгоден мифотворцам. Им пока нельзя ответить со страниц тех же газет.

Почему же нас чернят? Потому, что мы являем собой ту часть общественного мнения, которая самоорганизовалась и сама распоряжается своей судьбой. Для бюрократизированного аппаратчика — это катастрофа, это прощание с монополией. Впрочем, объяснения мало и этого. Лучше — живое общение. Приходите в ДК им. Свердлова (комн. №34) — поговорим.

Бюллетень «Отечества» — один из способов дать достоверную информацию, дать первоисточник. Хотя тираж его, конечно, — десятки экземпляров — ничтожно мал.

И все же это — наш голос. Ждем ваших откликов, уважаемые читатели «Вестника «Отечества».

Что делает нас патриотами

Вчера «Советская культура» обвиняла историко-культурное объединение «Отечество» в антисемитизме, а сегодня предоставила мне слово. Что происходит — гадать не стану. Лучше — к делу!

«Отечество» родилось два года назад. Сплотила патриотов градостроительная ситуация в Свердловске, обострившаяся из-за опасности изменения облика площади 1905 года. В боях за революционный памятник был выработан девиз «Только общественная организация общественного мнения сможет чего-то добиться в области сохранения культурного наследия!» То есть: мало выработать свое суждение об архитектурных ценностях или, к примеру, о том, какова режиссерская интерпретация пушкинской сказки на оперной сцене, надо свои мысли донести до сограждан.

Конечно, такой источник независимых оценок происходящего в жизни и на сцене начали забрасывать камнями, предварительно обмакнув их... кто во что. Театральная групповщина, в отличие от архитектурной, оказалась самой мобильной и агрессивной. Она обрушила на самостоятельных критиков лавину идеологических и политических обвинений. Так, мы — учитель, кузнец, инженер, бухгалтер, врач — открыли, исходя из мысли Ленина о том, что «интернациональная культура не безнациональна», чуть ли не наследуемую частную собственность на искусство, на культуру, также на демократию и гласность. Столкновение высветило: наше искусство принадлежит одной корпорации, наша культура — другой, демократия — третьей, гласность — четвертой, да еще к тому же они кооперируются, взаимоусиливаются. Мы обнаружили тайное перераспределение власти в области культуры. Мы повсюду видели неистовых монополистов знаний. Они изощренно защищают у нас же отнятые ценности. Они выдают их нам, когда считают нужным, и

ровно столько, сколько полагают разумным. «Слаборазвитые» начальники от культуры находятся в медовом плену у группократии...

Вот против чего мы выступили! А не против «интернациональной культуры, демократизма и всемирного рабочего движения». На практике это означает, что в каждой нации есть рабочие, трудящиеся массы, условия жизни которых неизбежно порождают идеологию демократическую и социалистическую. И есть бюрократия, превратившая интеллигентность в признак, закрепляющий за ней монополию на духовное производство и его толкование.

Газета «Уральский рабочий» заявила, что «Отечество» первым из самодеятельных объединений стало «апеллировать к широким массам» (партийные органы для идеологического равновесия в Свердловске вынуждены были открыть «Дискуссионную трибуну»). Газета опирается на информацию тех, кто неотступно отслеживал все наши вольные дискуссии. Ее заявлению верить можно. И вот обращение к массам и вызвало болезненную реакцию у административно-идеологического аппарата. Он стал вырабатывать о нас устрашающий миф с ужасающий производительностью: за несколько недель в прессе появилось более пятидесяти публикаций. Вот бы что надо изучать в таких историях — реакцию корпораций, которые к тому же национально окрашенные, как утверждала на страницах «Комсомольской правды» неистовая идеологиня Е. Лосото. Ей тоже стоит верить, ведь она с воодушевлением, достойным лучшего применения, разоблачает всякие проявления национального.

Но ни в одной из газетных экзекуций не сказано ничего об объективных причинах появления и роста нынешнего патриотического движения. Чем это объяснить? Неужто только крайним невежеством и беззаботностью? Тогда почему ревнители абстрактного интернационализма боязливо обходят этот вопрос?

Возможно, причина — и мы настаиваем на таком объяснении — в исторически происшедшей подмене пролетарского интернационализма интернационализмом мелкобуржуазным, о

котором говорил В. И. Ленин на 2-м съезде Коминтерна. Именно таким «интернационалистам», как Троцкий (Л. Бронштейн), Ленин казался национально ограниченным.

Главный вопрос сегодняшнего дня — «демократическая организация народа», как любил (вслед за Лениным) говорить Н. Бухарин. «Без такой организации государство может быть только орудием в руках правящего меньшинства (какие бы народолюбивые слова ни вылетали из правительственных канцелярий), а собственность — орудием господства бюрократии». Но не может быть демократии, не опирающейся на естественно вызревшие, национальные формы общественного самоуправления. Может быть, именно неучет национальной формы демократии явился основной причиной поражения позиции Н. Бухарина, который крестьянству отводил роль производственного фактора и яростно нападал на творчество Сергея Есенина и русских крестьянских поэтов.

Больнее всего бьют за восстановление простых, опорных истин. Таких как: народное — это национальное, не уважать национальное — значит принижать народное и в мелкобуржуазном духе извращать в интернациональное. Спешить из профилактических соображений патриотизм называть национализмом — это проявлять недоверие к народу. Да, народ пока безопасен, неорганизован демократически, поэтому бюрократ и все, кто его идеологически и политически обслуживают, безнаказанно «шьют» патриотам, особенно русским, ярлык национализма. Мол, ты, русский народ, коренник революции, создал многонациональное государство и потому должен быть предельно интернационален. Это стало идеологическим наркотиком, обезболивающим средством. Оно делает людей глухими к трагедии собственной национальной культуры. **Но настоящий интернационализм не должен стоять на дымящихся руинах национальных культур!**

Трудно признать мышление «скитальцев» передовым. Они живут там, где им живется хорошо. Первый секретарь Компартии Литвы А. Бразаускас недавно сказал в «Правде» о том, что у «скитальцев» нет «нравственности, патриотизма». А ведь еще Тургенев точно

определил этот социальный тип людей и дал ему уничтожающую оценку, вспомните:

«Россия без каждого из нас обойтись может, но никто из нас без нее не может обойтись. Горе тому, кто это думает, двойное горе тому, кто действительно без нее обходится! Космополитизм — чепуха, космополит — нуль, хуже нуля; вне народности — ни художества, ни истины, ни жизни, ничего нет».

Почему «Отечество» не может получить статус добровольного общества местного значения? Думаем, из-за того, что ищем единство национального и интернационального с народных позиций. Бюрократ зовет нас заниматься не политикой, а культурой. Это его военная хитрость. При этом он, игнорируя закон, не дает статуса, мешает вести практическую патриотическую работу на хозрасчетной основе. Если дать нам развернуться, позволить создать Дом русской истории и культуры с общественным центром по пропаганде национальных культур, тогда будет, например, совсем непонятно, почему ВООПИКу, существующему 20 дет, до сих пор не удалось открыть дом такого рода. Бюрократ боится раскрыть свою непатриотическую сущность. И поэтому он дает нам столько свободы, что ее можно черпать... наперстком.

Раз в неделю мы можем собраться в одной из комнат ДК им. Свердлова. Имеем право заказывать для дискуссий зал. И мы немало пользовались этим правом. Тут-то в любой момент и можно ввернуть: они все говорят и говорят, а когда же делать будут? Вот иезуитство: ведь ничего сделать нельзя без инструмента, без полноценного статуса — его потому и не дают! Типичный порочный круг, из каких состоит вся наша жизнь.

Однажды мы попытались прорвать информационную блокаду. Мы договорились о встрече с трудовым коллективом, с рабочими. За час до начала вечера-встречи не было окончательного решения: пустят нас в ДК или нет? Впустили. Когда убедились, что зал будет заполнен не рабочими, а преподавателями и студентами. И началась охота на патриотов! Так мы узнали о себе, что пропагандируем православие (показали фильм о взрыве храма Христа Спасителя),

подстрекаем народ к бунту (говорили о национальной гордости в области техники).

Среди нас есть рабочие. Одного из них, рабочего Турбомоторного завода, предложили выдвинуть кандидатом в делегаты на партконференцию. Леонид Гашев — знаток поэзии Есенина, думает о судьбах ценностей национальной культуры, он, верим, может сказать взвешенное рабочее слово о единстве национального и интернационального. Мы думаем также, что он стал бы поистине народным депутатом. Такие, как он, сломают монополию групп на культуру. Тогда русские смогут без оглядки называть себя русскими.

Существующие законы не выражают национальных особенностей. Обновленная Советская власть с участием Гашевых это исправит. Экономика еще не учитывает национальный характер. Что еще? Общественное мнение в области культуры не может самовыразиться. Нужны общественные издания. Пусть их тираж будет невелик, а объем скромен: но это будет неподдельный голос общественности.

Политическая карта России разнолика. В Тюмени есть Советская власть, есть она и в Свердловске. Тут и там есть патриотические объединения. Но в Тюмени это объединение действует на правах общества, а у нас — на правах кружка самодеятельности. А власть в обоих городах — одна, но политические режимы — разные. Наш город со времен Петра — заповедник железных начальников, озабоченных производством отечественного железа и машин. Уж очень у нас начальники нордические, волевые... Чужую гласность они привычно держат в своем железном кулаке. Так им спокойнее.

Да, «Отечество» – антибюрократическая организация. И потому запущен миф о ее национализме. Чтобы ударить как можно больнее.

Неважно, почему «Советская культура», еще вчера обвинявшая «Отечество» в антисемитизме, сегодня предоставила мне слово. Беру его, чтобы сказать: соотечественники, русские и все другие соотечественники, братья, не отдавайте свои души, свои национальные чувства и особенности в собственность бюрократам и

их безродным оруженосцам! Будьте самими собой без спросу у этих «пиявок»: русские — будьте русскими! Уважающий себя русский уважает татарина, и узбека, и человека любой национальности, потому что сам человек.

Так было, так будет. И пусть наши «пастухи» не запугивают нас своей испуганностью.

Черным по черному

Уважаемые читатели «Уральского рабочего»!

Должен признаться, душа еще противится писать в газету… Не сразу отбросишь жизненный опыт: долго было одно и то же — бить бьют, а в ответ слова сказать не дают. Разве умер уже дух директивной прессы, выполняющей роль неумолимого пресса? Еще задача была — и есть! — выдавливать из сознания сограждан идейные примеси, разного рода отклонения от официальной идеологии. И возникла у нас страшная рать железных идеологов, истребляющих разномыслие... Возникла реальная опасность вырождения мысли как вида...

24 сентября 1988 г. газета «Уральский рабочий» опубликовала «полнометражную» статью моего коллеги, журналиста В. Веприцкого с драматическим заголовком «Друзья и недруги». Напомню: в этой публикации говорилось не только об историко-культурном объединении «Отечество», но и о его председателе, то есть обо мне. Все это побудило меня к тому, чтобы включиться в крупный разговор, начатый со страниц уважаемой газеты, автором и читателем которой, кстати сказать, являюсь четверть века.

Трижды прочитал статью... Нет, сомнений не остается: это обыкновенное очернительство. Но именно потому, что оно обыкновенное, и нужно поговорить обстоятельно.

Сначала — справка. Историко-культурное объединение «Отечество» родилось в декабре 1986 года, в момент обострения градостроительной ситуации. Тогда решено было поставить высокое

здание вдоль всей северной стороны площади 1905 года. Общественность города горячо протестовала против искажения образа этого революционного памятника. Результаты долгой и острой полемики, впрочем, таковы: здание Метростроя стало ниже на два этажа и короче на две трети...

«Отечество» выпустило очередной номер своего информационного бюллетеня, посвятив его этой поучительной дискуссии. Мы также отправили стенограмму дискуссии (она оформлена в виде пьесы, столь драматичным был спор) в обком партии, приложив к ней письмо свердловчан. Общественность предлагает снять с должности главного архитектора Г. Белянкина за систематическое «градобитие», за разрушение исторического ядра города. Общественность считает, что нового главного архитектора нужно не назначать, а выбирать, как это уже делалось когда-то. Свердловск же — город архитекторов! Стоит напомнить, что в «боях» за площадь революции, именно в те горячие дни, принято историческое постановление обкома партии о сохранении исторического наследия. Подобного постановления никогда не было. И члены «Отечества» справедливо ощущают себя частицей той волны патриотического движения, прокатившейся осенью 1986 года.

Это — в двух словах — лишь один из эпизодов жизни «Отечества». А было немало и других дискуссий.

В противовес «Отечеству», его свободным, нестреноженным дискуссиям в Свердловске была создана спешно «Дискуссионная трибуна». Мое о ней мнение. Я уже высказывался на этот счет публично. Повторю. «Трибуна» во многом похожа на политический театр. Иначе и не могло случиться, потому что она призвана выражать казенный энтузиазм, реформаторские настроения аппаратчиков. «Трибуна» демонстрирует не демократизацию, а либерализацию. Заседания этого «богоугодного» заведения, каждый его чих моментально освещаются в газетах, от вечерней до литературной. Хотя во всем этом просматривается охранительная заорганизованность, заказная режиссура, прямолинейный сценарий. Экспертная комиссия тушит вспышки инакомыслия. Кстати,

возможно, именно из-за нее на «трибуне» более всего проявлено, насколько я знаю, политического злоязычия. Потому что присутствие благополучных профессоров «в пожарных касках и с идеологическими брандспойтами» задевает за живое. И по закону отрицания люди несут черт знает что. А иные хладнокровно пользуются «трибуной» для сногсшибательных политических заявлений. За эдакие грехи любую другую «трибуну», созданную по инициативе снизу, газеты просто бы спалили дотла священным гневом. Тут — тишина.

Сей политический театр способен, как леший, долго водить сограждан, аукаясь с начальством, по лесу нерешенных проблем. Только бы не организовались люди вокруг конкретного дела, лишь бы не сшибли кого-либо с кресла. Иногда «трибуна» сбрасывает маску либерализма и превращается в трибунал. Члены ее совета начинают подозревать и клеймить. Один клеймит неформалов за неприятие космополитизма. Другой подозревает, что за ширмой Народного фронта, сформировавшегося в Свердловске, что-то скрывается...

«Дискуссионная трибуна» создана по велению... не сердца. Большинство слушателей на идеологические спектакли собираются по методу «добровольно-принудительно», это своего рода городские политические субботники... И обычная картина: «добровольцы», отметившись, после перерыва покидают ристалище.

Как «трибуну» превратить в народное собрание? Никак. Народное собрание рождается само, как мы это видели минувшим жарким летом в историческом сквере и у цирка в дни до указных митингов и дискуссий. И, конечно, наши трепетные либералы не узнали ее, демократию. Потому что она чужая, не ими синтезированная, на улицы выпущенная.

Неужели «трибуна» бесполезна? Пока — очень полезна. Она учит отличать демократизацию от либерализации. «В жизни все должно меняться только по воле начальства. Ровно настолько, насколько прибавляется этой воли». Вот пункт «секретного устава» либералов.

Каким методом пользуется автор статьи «Друзья и недруги», показывая читателям «Отечество», самодеятельную организацию, начавшую «первой из свердловских неформальных организаций широкое апеллирование к массам»? Карающим методом. За что наказывают «Отечество»? Все за то же, за «широкое апеллирование к массам». Без разрешения начальства.

Итак, карающий метод. Вот мой коллега В. Веприцкий использует рассуждения выпускника философского факультета Уральского университета Ильшата Насырова. Тот вспоминает, как горячо, до хрипоты спорил с одним из лидеров «Отечества». О чем был спор? Будто бы лидер «первопричиной всех наших зол считает заговор мирового сионизма, внедрившего своих агентов в партийный аппарат, органы культуры». Так «Уральский рабочий» с помощью философа обнаружил у таинственного лидера проявление вульгарного антисионизма.

В этом открытии придется разобраться.

Первый вопрос: почему автор статьи не назвал имени левака-антисиониста, якобы лидера «Отечества»? Например, я как председатель совета «Отечества» такого зашоренного лидера не знаю. Невольно думается: а был ли лидер? Читатель вправе спросить: много ли таких недоброкачественных мест в статье «Друзья и недруги»? Много, вся ткань ее недоброкачественна. Но вникнем до конца в этот приемчик. Если журналист кого-то безымянного называет лидером общественной организации, он мгновенно в глазах читателей порочит всю организацию. Когда работают «наперсточники» от идеологии, дорогой читатель, тут нужен глаз да глаз. И примеров —тьма. Сейчас немало резвых литераторов тешатся вволю, толкая статьи о безответных участниках общественного движения, пока не имеющего юридического лица. Но, даже выявив идейные заблуждения «лидера», надо все-таки потрудиться представить читателям перекос в делах всей организации.

Не забыть бы сказать спасибо автору статьи «Друзья и недруги». Надо бы «Отечеству» усилить антисионистскую подготовку, чтобы избежать возможных крайностей в оценке сионизма. Но как это

сделать? Отчего-то на всю нашу густонаселенную область лекции о критике сионизма, если не ошибаюсь, читают один или два обществоведа. Книг на эту тему мало. И сам «Уральский рабочий» не покажет пример верной антисионистской пропаганды — целеустремленной, научно выверенной, чтобы было понятно: злейшая форма расизма и фашизма — сионизм. Как неформалам овладеть научным антисионизмом, чтобы научиться не путать антисионизм с антисемитизмом, как его путают в прессе разные авторы.

Однако продолжим разговор о карающем методе. Попробуйте этот прием перенести на оценку профсоюзных, комсомольских или партийных организаций. Из этого получится антисоветизм. Кто позволит написать в газете, что у такой-то парторганизации воровской уклон, потому что один из ее членов уличен в грязном мздоимстве? Никто не позволит. Нигде. Никогда. О неформальных же организациях проворные мои коллеги пишут без всяких церемоний. Открыв свинцовые веки, бюрократ с удовольствием наблюдает, как оберегают его покой такие беззастенчивые обличители.

Чтобы уличить «Отечество» в безоглядном антисионизме, партийный журналист – хорошенькое дело – опирается на мнение убежденного антикоммуниста, на слова человека, проявляющего, как свидетельствует сам же В. Веприцкий, «махровую беспринципность». И выходит неувязка: принципиальное заявление об «Отечестве» в публикации «Друзья и недруги» делает беспринципный! Что с вами, коллега? Вы не просто очерняете самодеятельную организацию, густо мажете черным по черному.

Не упускайте тему... новой подобной статьи. Если заявление таинственного лидера «Отечества» вы выдаете за программу всей организации, то по этой замечательной логике вы можете вполне успешно Уральский университет назвать кузницей антимарксистских кадров. Почему? Ну как же: ведь ваш консультант по «Отечеству» антикоммунист Ильшат Насыров — выпускник философского факультета УрГУ. Вы можете пойти даже дальше. Кто-то из

«ургушников» энное количество лет назад утек в Америку, причем не в Латинскую... Тут для вас еще соблазнительный материал: уральский университет, дескать, кует философские кадры для стран капитала.

Пора сказать еще об одном обвинении «Отечеству»— в безудержной любви ко всему русскому, в несанкционированном патриотизме... Впрочем, жаль времени разбирать все наветы. Главное сделано. О том, чем занимается «Отечество», коротко, но я бы рассказал. О том, как шельмуют «Отечество», я попытался тоже немного сказать. Об остальном, дорогие читатели «Уральского рабочего», как говорится, в рабочем порядке!

Джунгли закона и закон джунглей

Мы, экономист В. Невьянцев. журналист Ю.Липатников, инженер В. Кадцын подали в общий отдел Свердловского горисполкома заявление о митинге, на котором общественность намеревалась рассмотреть проект декларации Народного фронта в Свердловске. Общий отдел потребовал этот самый проект декларации.

И вот 5 сентября исполком митинг не разрешил. Наш рассказ не ради драматизации случившегося, а с целью извлечь урок. Так в чем же промахнулась инициативная группа?

…Знать гражданские права имеет право каждый гражданин. И государственные служащие должны, по логике правового общества, помогать ему в этом. А наши чиновники? Наши юристы всех специальностей? Они чаще всего затрудняют доступ к юридическим знаниям. Они превосходно понимают, что гражданин, лишенный правосознания, — кроткий гражданин, с ним меньше хлопот. Он не умеет защитить ни себя, ни кого-либо от произвола столоначальников. Для душевного комфорта чиновнику нужен недееспособный гражданин.

Наша родная командно-бюрократическая система (КБС) в области законотворчества патологически плодовита. Она уже выдала

около 30 тысяч общесоюзных нормативных актов и 200 тысяч ведомственных инструкций, положений и т.п. Конечно, если заглянуть в глубины сего социального процесса, то в этой супердеятельности (тут КБС занимает первое место в мире, нет сомнения!) можно увидеть особого рода самозащиту. Система заполняет все сферы жизни, чтобы там не завелась мысль. Мысль для системы — это болезнь, это инфекция. Законотворчество — ее иммунитет. Так КБС соткала джунгли закона, без проводника правдолюбам ходить по ним бесполезно или даже опасно. А проводников мало (корпус адвокатов не соответствует масштабам страны, их всего 25 тысяч), юридические консультации раздавлены очередями, немало в этой среде и лукавцев, на советы коих нельзя полагаться. Поистине джунгли закона не могли не породить и породили закон джунглей, который стал властвовать в общественных отношениях.

Когда правоведы, как Данко, загорятся желанием вывести нас из этих джунглей? Тогда, когда правящая партия будет действовать строго на основе закона, когда она станет подзаконной организацией…

Однако вернемся к тому, как в Свердлоблисполкоме двумя-тремя щелчками «зашибли», как надоедливую осеннюю муху, наше заявление о митинге.

Мы — часть самоорганизованной общественности Свердловска. За 3 заявителями стоят 30 соратников, а за ними — 300 единомышленников. Тысячи же свердловчан появляются лишь эпизодически — на митингах. Но и этот крошечный островок самоорганизации вызывает у местной КБС темные чувства. Естественная, впрочем, реакция. КБС города делает все, чтобы капсулировать неформальные объединения общественно-политической ориентации. Как в прессе запрещается печатать снимки, сделанные с верхней точки, чтобы противнику не открыть горизонт, так КБС мешает людям увидеть жизнь панорамно, не с личной кочки зрения, а с высоты коллективного разума. Было некогда увлечение строить пирамиды, вставая друг другу на плечи. Эту

физкультурную забаву так любили вожди! И бюрократы ныне жалеют, что сограждане оставили это занятие. Теперь люди опираются на плечи друга, чтобы расширить юридический и политический кругозор. Они начинают учиться — утверждать правовое государство не революционным фразерством, а правовыми средствами.

Как бы это нам побыстрее освободиться от психологии потребительства! И взяться за активное самообразование. Мы привыкли к вялой правовой пропаганде, которая ничего не меняет. По-прежнему не рвутся свердловские юристы писать «боевой устав» общественности, вышедшей на поединок с матерым бюрократом. Не спешат правоведы, отяжелевшие на белых хлебах, кроме доктора юридических наук В.Б. Исакова, высказывать публично то, как людям овладеть искусством быть гражданским бойцом.

Отбросив иждивенчество, надо самим организовывать юридический всеобуч. Собрать, скажем, общественную библиотечку... Создать общественную юридическую консультацию... Так или иначе, но далее самодеятельные организации не должны делать ни единого практического шага без юридического обеспечения!

Мы решили дождаться, когда закончится заседание исполкома... И вот дверь распахнулась.… Перед нами Ю.И. Скуратов — эксперт горисполкома. Доктор юридических наук мягко объясняет:

– Ребята, вы в заявлении объединили две настолько разноплановые темы!

Вы хотите рассмотреть проект декларации НФ и в то же время поставить вопрос о выдвижении Б.Н. Ельцина в почетные граждане Свердловска. Кстати, это второе предложение у членов исполкома не вызвало сомнений. А вот проект декларации... Тут три замечания. Первое. В ней утверждается, что партийные и советские работники не могут в НФ занимать руководящее положение. Это противоречит 51-й статье Конституции, закрепившей право всех граждан создавать общественные организации и занимать в них в том числе и руководящее положение.

Второе замечание. Вы пишете, что НФ не подчиняется ни одному административному органу. Все подчиняется в стране органам Советской власти!

И еще: вы ввели в декларацию пункт о контроле со стороны НФ депутатов. Это — прерогатива избирателей.

По этим пунктам, значит, декларацию надо доработать. Иначе митинг мог бы принять опасное направление. И вы, организаторы, стали бы отвечать перед законом,— заключил правовед.

Пора делать выводы.

Эксперт не пощадил безоружную общественность. Его задача: научно обосновать отказ горисполкома. Как выглядели мы? Безмятежные россияне! Пришли с уязвимой бумагой в «джунгли». Конечно, ее разорвал кафедральный лев!

Не хватит ли пузыри пускать, по-младенчески гулить, умиляться демократизации. Не хватит ли надеяться на то, что нас просветят. Юристы — слишком безоглядные слуги государства. Не разбегутся они крепить общественность. Хотя, разумеется, среди них есть граждане. И надо с ними объясниться...

Отклик на публикацию «Войдя в кураж» (21 октября 1988 г. «Социалистическая индустрия»)

Уважаемая «Социалистическая индустрия»!

Скажу по секрету... За твердость позиции в защите интересов рабочего класса называю тебя (прости вольность!) «Социалистической газетой». Называю так, конечно, не для того, чтобы противопоставить тебя другим изданиям, кои несут в своих титулах высокоидейные эпитеты...

И в истории с челябинским начальником торговли Сидым (главнокомандующим желудками руководящих кадров) вы подтверждаете свою четкую социалистическую ориентацию. Так сегодня нужна ваша безобманная поддержка общественности Челябинска! Вы помогаете ей крепче встать на ноги, почувствовать

вкус победы над мироедами (не думаю, что это слово устарело). Знаю это, хотя и живу в Свердловске, знаю, как мои друзья из патриотического объединения «Родина» стремятся вместе со всеми активными сторонниками перестройки содействовать очищению нравственной атмосферы рабочего города.

Один из давних источников загрязнения общественного сознания — продажные продавцы и их руководители. Те, кто каждодневно и профессионально занимается тайным перераспределением материальных благ, чтобы ничего не пролетело мимо ненасытных ртов хищников всех видов и размеров. Устроители потайных кормушек, сидые — трудноуловимы, их не могут взять даже многоопытные следователи.

«Социалистическая индустрия» — газета выносливая. Как читатель я надеюсь, вы будете отстаивать в нашем крае социальную справедливость конкретно (доведя историю с Сидым до праведного возмездия), без зигзагов, продвигаясь в борьбе только вперед. Тут вас и поддержит растущая не без вашей помощи патриотическая общественность уральских городов.

Отклик на отклик

21 октября 1988 года на страницах «Уральского рабочего» «встретились» кандидат философских наук Сергей Гончаров и литературовед Валентин Лукьянин. Первый из них написал в газету по своей инициативе. Второго выступить попросили. И он, что называется, живо откликнулся. Однако именно живость, живость изложения мыслей, весьма некорректная, а также фамильярное обращение с оппонентом у меня, например, вызвали протест. Все же Валентин Петрович, мне кажется, должен был бы вести себя в споре посолиднее (занимает немаленькую должность – главный редактор журнала «Урал»).

Итак, газета предложила две прямо противоположные точки зрения. Надо бы радоваться долгожданному плюрализму в нашем

железном городе, тому, что «Уральский рабочий» уже обращен к читательской аудитории не строгим партийным профилем, а повернулся к читателям для заинтересованного разговора. И не в какой-либо малозначащей сфере этот разговор — в идеологической.

С первых же абзацев своего комментария Валентин Петрович принялся с большой охотой и, я бы сказал, умело унижать оппонента. «Затейник вы наш». Так оскорбительно называет он автора письма в газету Сергея Гончарова. А между тем читатели прочитали и убедились, как этот «затейник» Гончаров спокойно, аргументированно, никого не оскорбляя, анализирует идеологическую ситуацию в Свердловске. О чем же он говорит? О том, что здесь, как прежде, сплоченная группа обществоведов призывает сограждан к свободомыслию, а затем раздает злые ярлыки за самостоятельность суждений о состоянии русской культуры или об унижении классики на сцене. Отчего же, не понимает читатель, главный редактор так неуважительно обращается к размышляющему философу? Нельзя, выходит, размышлять без позволения...

Еще пример. Ученый-комментатор язвительно предполагает, что Гончаров несведущ в психолингвистике. Неужели сам «главный» овладел решительно всеми науками? Это же, простите, надо было с беличьей неутомимостью прыгать по бесчисленным ветвям Древа познания. Однако допустим, что Валентин Петрович все науки расщелкал, на здоровье, но зачем других унижать высокомерием корифея?

Но об этике разговора — довольно. Кто все это читал, тот ощутил, что тон статьи Валентина Петровича глумливый. И это — высококультурный плюрализм?

Нет, это наша дурная политическая наследственность! Газета выпустила на свои страницы испытанного, «номенклатурного» ментора, который учит и учит, а точнее, он был призван, чтобы проучить как следует.

И все же почему так непростительно возбудился ученый редактор? Отчего не потрудился вольность формы уравновесить богатым содержанием?

В эпоху застоя либерал был в ореоле славы. К нему тянулись доверчивая интеллигенция, правдолюбы. Либерал громил систему в кулуарах, а «отдельные» ее недостатки — с трибуны. Так он и кормился неплохо, и остепенялся вовремя, и омедален был, не без этого. Бюрократам вся эта схема была ведома. Бюрократам очень нужны буревестники, летающие над стаканом с водой, чтобы сохранилась видимость свободомыслия. Значит, по сути, либерал всегда служил аппарату власти? Да. Хотел он этого или не хотел.

Служит он ему и теперь? Разумеется. Хочет он этого или нет.

Только ныне ему все труднее организовать правдоподобный бунт мысли (дискуссии, трибуны, диспуты, дебаты). Ему все сложнее скрывать то обстоятельство, что думает он всегда вместо народа, а не вместе с народом. Ведь теперь в дискуссиях участвуют рабочие, у них хорошее социальное зрение, они видят фальшивые позиции. Словом, приходит неуютное для либерала время. Оно заставляет принимать все новые и новые идеологические асаны, а гибкость позвоночника уже не та...

Валентин Петрович Лукьянин подписался под ядовитым комментарием к письму Гончарова как член «Дискуссионной трибуны». Это, на мой взгляд, в чистом виде либеральное учреждение, где синтезируют социальные иллюзии. Как, например, либеральная интеллигенция соберется принять участие в выборах? Предлагается создать общественный комитет. Он будет контролировать выборы. Дело нужное. Но – второстепенное. Что главное? Не допустить, чтобы номенклатура (хозяйственная, политическая, идеологическая) воспроизвела себя в том же великом числе и в том же качестве! И потому лишь это сейчас необходимо делать – двигать в депутаты тех, кому доверяет народ, а не аппаратчиков.

В такую опасную работу либеральная общественность не включится, потому что мигом окажется на улице, вылетит из всех престижных залов. Либералы не станут бороться за истинно народные выборы. И будет так: и ложные кандидаты, и имитация

предвыборной борьбы, и отмены собраний, на которых выдвинут беспокойных граждан, и т.п.

Так почему так нервно, так заносчиво ответил философу Сергею Гончарову член совета «Дискуссионной трибуны»? А потому, что либерализм зашатался! А потому, что уже не всесильно искусство выдавать голос начальства за глас народа. И еще потому, что философ очень уж раздражил своим уверенным анализом идеологической ситуации в Свердловске, которая характеризуется по-прежнему тем, что группа обществоведов призывает к свободомыслию и тут же издевается над свободомыслящим.

Не сердитесь, Валентин Петрович, не рвите сердце, но все равно при столкновении двух мнений рождается третье (хотя бы и мое вот), и оно уже не зависит ни от первого, ни от второго. Насколько я могу понимать, это и есть рост плюрализма. Его и надеюсь поддержать с помощью плюралистского, виноват, «Уральского рабочего» своим эти откликом на ваш тот отклик...

Бетонированные берега

До 27 октября 1988 г., до опубликования статьи «Советы на пути к человеку» (газ.«Вечерний Свердловск»), городская «Дискуссионная трибуна» говорила. Теперь она переходит к действию. Отброшена попытка оседлать Уральский народный фронт, который, по сути, является организацией избирателей. Делается попытка открыть фронт сверху.

И вот в вечерней газете выступил идеолог изобретаемого «городского комитета содействия народовластию Советов» А. Тюнякин. У него логика тех, кто хотел бы этой зимой с большим шумом провести скромный освежающий ремонт административной системы. Как же Тюнякин думает за тех, кто будет «содействовать народовластию Советов»? Что он думает о соотечественниках?

«Чтобы обеспечить прогрессивное развитие нашего общества, нужно оживить политическую инициативу трудящихся. Чтобы

поднять политическую инициативу людей, необходимо устранить нужду (в жилье, пище, одежде и т.д.), которая ежедневно гонит их в унизительные очереди. Нужда ввергает одних людей в апатию и безысходность, других толкает к отчаянию и экстремизму. В социально-экономических преобразованиях нам не нужны истерические порывы». Тюнякин далее отмечает, что «многие сегодня хотя и смутно, но представляют, что от их активного участия в делах управления государством зависит личное и общественное благополучие». К делам управления он собирается привести людей, надо понимать, с помощью «городского совета содействия Советам».

Значит, Тюнякин отмежевался от тех, кто ввергнут социальной несправедливостью в апатию и безысходность, кто может проявить отчаяние и экстремизм, кто склонен к истерическим порывам. Теоретик движения «чистых», уравновешенных избирателей просит правильно его понять: он не зовет обновлять Советы разными неожиданными средствами с участием живых людей, таких, какими их сделала несовершенная советская действительность. Он не собирается идти в народ и поддерживать крутую антибюрократическую инициативу. Он предлагает кабинетную схему, в рамках которой политическая активность людей — открытие! — растет с подъемом благосостояния. Голодный берет власть, чтобы стать сытым. Оскорбленный берет власть, чтобы его не оскорбляли. Тюнякину в социально-экономических преобразованиях не нужны «истерические порывы». Похоже, он открыл новый вид революции, во время которой узурпаторам вежливо говорят: «Товарищ, вы не могли бы быть столь любезны, чтобы оставить руководящее кресло». Всё по науке, никаких ни у кого перехлестов, никаких порывов. Революцию начинают только тогда, когда все сыты, унизительных очередей нет. А на митингах не топают ногами, а чинно вяжут, читают газеты.

Схема Тюнякина развернута на страницах городской газеты, следовательно, утверждена (или будет утверждена) властями. Заметим, об уральском Народном фронте за два месяца его существования эта же газета не дала и куцей заметки, не отважилась

дать и программу. Стиснула зубы газета, по характеру своему разговорчивая,— какие только мелочи городской жизни не интересны ей. На днях городской совет уральского Народного фронта получил от горисполкома третий отказ предоставить помещение для заседаний. Причина? Чрезвычайная обстановка в городе из-за взрыва на Сортировке. Все можно в Свердловске в эти недели — петь, плясать, играть на музыкальных инструментах, обсуждать коллекции марок, говорить речи. Только нельзя заседать Народному фронту. И далее в письменном отказе «отцов» города есть замечательный совет: дескать, вместо своих заседаний ходите на заседания «Дискуссионной трибуны». Как видите, горисполком откровенно заявляет, что «трибуна»— усмиритель общественной мысли и действия. Социальная характеристика точнейшая! Один мой знакомый «трибуну» назвал мухоловкой. Пожалуй, только горисполком и помог мне по-настоящему оценить верность такой оценки. Горисполком загоняет назойливых и беспокойных граждан, как мух, а вдруг они прилипнут к сладкой ленте якобы радикальных речей организаторов этого говорения.

А сейчас карманная трибуна переходит от слов, угодных начальству, к действиям, нужным аппаратчикам.

С ее помощью они хотят поднять активность избирателей до такого уровня, чтобы себе не во вред. Вот главный смысл нового этапа. Статья в вечерней газете говорит о том, что местная административная система объявляет о своем варианте самоусовершенствования. Она в основном-то знает, какой ей быть после выборов будущего года. И все, кто будет слишком настойчиво забегать вперед, будут объявлены экстремистами, истериками, отчаявшимися. Набор ярлыков богатый, у нас в городе не самая бедная мастерская по изготовлению ярлыков. Эта статья призывает инициативу ввести в бетонные берега. И таким вот образом «плыть в революцию дальше».

Остается пустяковый вопрос: захочет ли народ?

Перестройка сверху и снизу

Увы, мы живем в стране обостряющегося дефицита и без того недолговечной сантехники… Угроза «экологического кризиса» в квартире, в домах, в микрорайонах, в городах реальна. Его предотвратят хозрасчет, аренда — новые экономические отношения. Бригада слесарей-сантехников в Свердловске попыталась отбросить старый опыт.

В Свердловске отчетливо различаются два вида общественной активности. Две перестройки. Аппаратная и народная. Одна перестройка вершится вверху. Другая укореняется внизу.

Участники Народного фронта хотят на своих заседаниях не грезить о революционных переменах, а координировать черновую демократическую работу. Именно, поэтому им и мешают.

УНФ поддержал, например, бригаду слесарей-сантехников ЖЭУ-9 Ленинского района. Здесь, в подвале, в слесарке, родилась идея: взять в свои руки материальные фонды и перейти на хозрасчет. Потому что на 12 слесарей приходится 7 управленцев и хозрасчет может сокрушить пирамидки власти в сфере коммунального хозяйства. Жизнестойкие пирамидки ощетинились, стали ежиками, приняли решение бригаду рассеять, как расформировывают взбунтовавшийся полк. Слесари могли процветать на одних ванновских обвязках, превратившись в тайный орден обвязки. Но они обратились за поддержкой к жильцам. Их в микрорайоне 10 тысяч, 3,3 тысячи семей. 700 семей подали голос за то, чтобы был сход жителей с участием жителей, бригады, депутатов, администрации.

Экономические требования перерастают в политические: создадим в микрорайоне совет! Надо сказать, такие же события идут в другой части Свердловска.

Так образуются ядра самоорганизации людей по месту жительства, то есть организации избирателей. Такие организации смогут этой зимой выдвинуть кандидатов в депутаты, совершить

коллективные политические действия, чтобы обновить Советскую власть.

А если бригаду все-таки не защитит и сход жителей... Она станет кооперативом? Возьмет в аренду дома? Бригада в любом случае останется дружной, сплоченной перестройкой.

А либеральная интеллигенция на заседаниях «Дискуссионной трибуны» все ходит по кругу, горячо дискутируя, не забывая аукаться с начальством. Ей сладко думается, что она кого-то поведет за собой…

Космополит в кавычках

Экономист Николай Шмелев дал писательское интервью «Литературной России»... Его знаменитая статья «Авансы и долги», опубликованная в «Новом мире», и действительно вызвала едва ли не перераспределение общественных сил, таким сильным было ее воздействие на публику... Потому интересно было узнать, как зрел литератор Шмелев и как его тугой литературный портфель взорвался и осыпал газеты и журналы рассказами и повестями. Все это было бы интересно узнать и с удовлетворением отложить «Литературную Россию», если бы не следующее...

Николай Шмелев уверяет читателей, что во времена Брежнева кроме всяческих зол, оказывается, у нас в стране была еще «жуткая озлобленность на всех и вся, откровенная ненависть — сродни классовой ненависти 20—30-х годов, плохо объяснимая в наши дни, к инородцу, космополиту, интеллигенту». Сделав такое убийственное замечание, Шмелев заговорил о вечной сменяемости в литературе одних и тех же сюжетов. Но, видимо, то тяжелое замечание (неаргументированное) перегородило русло беседы, и она «забурлила» вокруг того, что особенно волнует публициста. Что же его волнует?

Он вдруг оживленно стал обсуждать космополитизм. Значит, не только в застойные времена, но и теперь у нас в народе разлилась

ненависть к «инородцам, космополитам, интеллигентам». Шмелев, однако, решительно заявил, что «космополитов в точном словарном смысле этого определения в нашей стране просто нет». Так сказал уважаемый литератор, словно, простите, он начальник паспортного стола СССР. Но нет и нет (чего у нас только нет в наличии!), зачем тогда и продолжать разговор о несуществующих космополитах. Разве что надо бы сказать, каким образом установлена декосмополитизация России, — и дело с концом. Но автор статьи «Авансы и долги» с волнением толкует о том, чего нет. Он вдруг себя называет космополитом, конечно, космополитом в кавычках. Это значит, что он «прежде всего пытается охватить культуру всего мира». Когда читаешь такое, хочется воскликнуть, спросить: «Но кто же ведет себя иначе, не сообщите ли в таком случае, как говорится, фамилии, адреса, явки?» Оказывается, так себя ведут некие «почвенники». Но послушаем, что о них думает Шмелев: «По-моему, мы себя очень обделим, если будем жить лишь одной — пусть и великой — русской культурой. Я никогда не соглашусь с нашими «почвенниками», что нам достаточно только России и нашей культуры. Ведь мировое человечество прошло многовековой путь, думая, изобретая, открывая, достигая подлинных высот духа. Разве от этого можно отпихиваться? Наоборот — нам просто необходимо жить и работать с поправкой на культуру мировую!

Не хочу договариваться до банальности, но что нам делить с Америкой? Сегодняшний день со всей очевидностью подтверждает, что мы можем спокойно жить и сотрудничать, что-то заимствуя друг у друга — сейчас, к сожалению, больше мы у них, чем они у нас. Но ведь и у нас есть большой культурный багаж, который может их обогатить.

Не принимаю противопоставления: космополитизм — патриотизм. Если угодно, это одно и то же, только космополитизм — это обогащенный патриотизм, так бы я сказал».

Николай Шмелев соединяет несоединимое, сливает два взаимоисключающих понятия. Космополитизм — это теория, призывающая к отказу от патриотических чувств. Так написано в

философском словаре. И получается у Шмелева нехорошо: патриотизм по этой логике закавычивания не должен сильно-то озарять духовную работу человека любой национальности, потому что важнее стать космополитом в кавычках.

Нет, как ни крути, но космополитизм — реальность, он отрицает национальные культуры. Он открывает с помощью обезболивающих теорий души народов, как пространства, не освоенные коммерческим искусством. Космополитизм денационализирует культуры, чтобы поделки распространялись повсюду беспрепятственно, как вирусы гриппа. Известно, что в США (и Николай Шмелев как научный сотрудник Института США и Канады, несомненно, об этом знает) существует своего рода мембрана, не пропускающая в должном количестве национальную классику — ни в Америку, ни из Америки. Зато масскультура движется с американского континента как тайфун. Ориентированное распространение масскультуры с Запада — это есть практический космополитизм. Он срезает корни народного искусства. Надо ли нам перед лицом этой опасности идейно разоружаться, смешивать воду с маслом или керосин с молоком? Мол, все в этом мире едино. Эдакий молодежный стиль мышления.

И совсем трудно не подивиться тому, как Николай Шмелев в своем интервью, лишенном земного притяжения, парящем без опоры на устоявшиеся истины, утверждает, что он не понимает «унизительного деления народа на крестьян, рабочих, интеллигентов». Видимо, это проявление интеллектуальности, далеко опережающей время, потому сказанное непостижимо. Когда-нибудь такое деление отпадет, но не отпало. Тогда отчего такая стыдливость при взгляде на современность у доктора экономических наук? При такой позиции классовый подход в оценке того, же космополитизма невозможен. Разоружаться так разоружаться, чего нам делить с Америкой... Гуляй, бесклассовая, безнациональная мысль, путай космополитизм с патриотизмом. Только тогда уважаемому публицисту и патриотизм свой придется заключить в кавычки — для равновесия, не так ли?

Обращение уральского Народного фронта

Сограждане!

20 сентября 1988 г. в г. Свердловске оформился Народный фронт. Выработана и принята программа, создан городской совет. У Дворца молодежи проведен первый митинг, на нем обсуждена практическая работа. Она начинается, но идет медленно. Вполне возможно, административная система, которая замалчивает существование Народного фронта в Свердловске, поднимет журналистов в атаку против него, обвиняя фронт в бездеятельности. Излюбленный прием бюрократа душить инициативу, а потом громко обвинять общественность в нежелании переходить от слов к делу. Но, как известно, бюрократ страшится и всякого прямого слова, и любого патриотического дела.

Больше нельзя молчать! Мы обращаемся к вам, дорогие земляки!

Соединенные силы бюрократии ставят нам препоны повсюду. До сих пор городской совет не имеет даже временного пристанища, где можно было бы собираться хотя бы раз в неделю. Крыша для всякой иной самодеятельности находится. Мы подаем заявление в горисполком, чтобы нам дали помещение провести собрание — нам отказывают, ссылаясь на то, что ситуация в городе после взрыва на Сортировке напряженная. В эти же дни повсюду в городе идут, как и шли, разные собрания и даже проводится при большом ажиотаже среди молодежи рок-фестиваль. Ясно, что Народный фронт хотят рассеять.

Мы проводим митинг, а газеты не сообщают о нем заранее ни единого слова, впрочем, и после митинга они хранят молчание. В это же время очередные заседания «Дискуссионной трибуны» рекламируются всеми средствами. Мы предлагаем опубликовать программу Народного фронта в газетах, чтобы можно было всем миром усовершенствовать ее,— газеты нам в этом отказывают. Ясно, что Народный фронт пытаются сделать безгласным.

Между тем «Вечерний Свердловск» бездоказательно замечает, что, дескать, программа имеет сомнительные идейные основания. Не начало ли это клеветнической кампании? Ее начнут, как только Народный фронт чем-либо сильно разгневает отдельное руководящее лицо.

Товарищи! Создавайте инициативные группы Народного фронта!

Помните: никакие серьезные перемены в судьбе нашего Отечества, а значит, и в нашей судьбе не свершатся без подлинного народовластия!

С членами городского совета уральского Народного фронта вы можете встретиться каждую субботу в 16 час. в ДК им. Свердлова.

Устанавливайте с нами связь, наша сила — в единстве!

Встреча членов городского совета Народного фронта в Свердловске с секретарем Свердловского горкома партии А. М. Бармашовым

(10 ноября 1988 г.)

Мы понимали, что демократию, как здоровье, нельзя взять взаймы или получить по талонам. Мы понимали также, что старорежимные работники партийных и советских органов делают сегодня все, чтобы перестройка шла только по указкам, спускаемым сверху. И все-таки мы шли на встречу с секретарем горкома партии, надеясь на творческую политическую дискуссию. Увы, мы обманулись! Секретарь пришел на встречу с инициативной группой Народного фронта с готовой установкой местного изготовления: Народному фронту в Свердловске политическую поддержку не оказывать! Диалога не получилось.

Что нас привело в горком (кстати, секретарь принимал нас не в помещениях горкома, почему-то в горисполкоме, не объяснил при этом, как такое получилось)? А вот что — бездомность и бесправность. Горисполком, пользуясь безнаказанностью, трижды

отказал городскому совету УНФ в праве проводить свои рабочие заседания. Уже два месяца мы собираемся то вместе с «Отечеством», то по квартирам, что небезопасно, если учитывать новое положение о внутренних войсках, для которых жилище вполне прикосновенно. Митинги? Их проводить тем более препятствуют. Иначе говоря, делается все, чтобы Народный фронт не рос. Что бы ни говорили лукавые функционеры. Местная пресса намекает, что мы — не тот Народный фронт, властям люб другой Народный фронт.

Словом, мы ощущаем «прессинг по всему полю». Могло ли быть по-другому?

Если не опьяняться иллюзорными переменами, то надо себе еще раз трезво сказать: происходящее — закономерно. Инерция всеобщего господства бюрократии действует, как говорят нынче молодые люди, в полный рост! Идеологическую жизнь города определяет одновариантность. В нашем спящем «горкомцарстве» владычествует точка зрения аппаратчиков. А мы, если посмотреть на себя с юмором, все еще похожи на затюканных героев великого русского прозорливца Салтыкова-Щедрина. Как-никак он сам служил губернатором и оттого видел нас, потомков, не через розовые очки. До сих пор сладкая мысль быть в ладу со всяким начальником управляет нашим поведением. Подталкивает людей к просительству. Возьмите нас ради социализма, дядя бюрократ, в революцию, сверкните нам одобрительным взглядом. И чиновник начинает по-отечески перебирать людей, как грибы в корзине. У этого в биографии червячок (судим-с!), у другого характер не мед, у третьего будто бы все нормально, но это-то и плохо, потому как неизвестно, куда он качнется завтра — влево или вправо. И чиновник с напускной сердитостью отталкивает от себя корзину (список членов новой общественной организации). Иногда грибы пугаются этого жеста до синевы и сами начинают отделять чистые от червивых. И самоочистившаяся корзина снова подползает к устроителю провинциальной революции...

Но вернемся от Салтыкова-Щедрина в Свердловский горком партии на встречу с А. М. Бармашовым...

Много эмоций коммунисты и беспартийные, участники УНФ выплеснули на встрече, чтобы добиться от собеседника четких ответов на вопросы.

П е р в о е. Мы хотим опубликовать программу УНФ, чтобы молва не причисляла нас к баптистам, чтобы круг НФ расширялся. Ведь НФ — не война, а дружное и общее построение всех сил, стремящихся осуществить перестройку во всех областях жизни. Аппаратчики и не думают помочь опубликовать программу.

В т о р о е. Мы хотим иметь свой дом, чтобы люди знали, где нас найти. Аппаратчики говорят: почему это нужно начинать жизнь с получения квартиры? Дескать, поработайте, если мы вас полюбим, то и обогреем.

Т р е т ь е. Городской совет Народного фронта в Свердловске хочет стать юридическим лицом. И этого не хотят аппаратчики, уже два года они не дают возможности получить статус «Отечеству».

На все эти три вопроса мы получили один отказ. Что это — самозащита, выдаваемая, конечно, за оборону социализма от незрелых инициатив? Или инициаторы действительно недостойны собственного дела? Время рассудит. А пока аргументы нам привели лукавые: вот вы станете Народным фронтом, тогда... А пока реально говорить о вашей идее городского клуба рабочих...

Народный фронт станет народным. Это неизбежно, как говорится, с нами или без нас. Аппаратчики надеются по старой технологии сконструировать Народный фронт. Составят список организации учредителей, соберут делегатов. Ну и так далее. Бюрократ выигрывает время.

Не будем ни обольщаться, ни огорчаться визитами к начальнику умиленным единением с ним на час или раздором на минуту. Нужна демократическая работа снизу. Те, кто политику партии подменяет политикой аппарата, нас не остановят. Как бы аппараты, аппаратишки, аппаратики ни защищались. Они говорят сегодня УНФ — нет, мы говорим УНФ — да!

«Шолом» собирает Друзей

В Москве создается общество еврейской культуры.

Древнее еврейское приветствие «шолом» — «мир всем», ставшее названием театра, недавно открытого на Варшавском шоссе, 71, теперь будет звучать чаще. Коллектив этого театра решил, что может принимать не только зрителей в своем зале, но активно участвовать в процессе, который сейчас идет по стране и касается восстановления, упрочения, развития национальных культур.

— Началось все с желания организовать в своих стенах культурный центр, – говорит художественный руководитель театра А. Левенбук.— А потом выяснилось, что при таком числе сторонников и таком горячем отклике видных деятелей искусства, науки впору создавать не просто центр, а общество — с уставом, различными подразделениями, секциями. Так оно и вышло. Вы спрашиваете о целях и задачах... Ну, к примеру, до недавнего времени негде было увидеть еврейский спектакль. Где сегодня посмотреть еврейское кино? Выходит только один журнал на идиш с мизерным тиражом, потому что мало кто знает язык. Курсы языка вроде где-то есть, но никто толком не знает где. Достать пластинки, ноты с еврейскими песнями сложно. Открыта всего одна, и то самодеятельная библиотека. И при всем при том речь идет о народе с древнейшей культурой. Собрать сохранившееся по крохам, а что утрачено, по возможности восстановить — главная задача общества. Вступить в него может каждый желающий, разумеется, национальность не имеет никакого значения. Ежегодные взносы позволят нам иметь средства, чтобы вести работу по самым разным направлениям. Будут курсы иврита и идиш, историческая секция, философско-религиозная, театральная, клубная секции. Молодежные, спортивные объединения, группы здоровья, кафе с национальной кухней. Намереваемся издавать свой вестник.

— Общество объединит только москвичей?

– Дело в том, что сразу же после первых сообщений о его учреждении стали звонить из Киева, Одессы с предложениями создать там филиалы или отделения общества. Пока еще трудно сказать о структуре, включающей и другие города. Но поток звонков, писем с просьбой принять в общество не убывает. У нас еще нет своего счета в банке, а один человек из Кутаиси перевел прямо на театр двадцать рублей. Другой принес картину. Кто-то предлагает старую еврейскую книжку. Студентка библиотечного института хотела бы у нас быть библиотекарем. Многие видные общественные деятели, деятели культуры дали согласие сотрудничать с нами. Это композитор Я. Френкель, певец И. Кобзон, писатель А.Вайнер, поэт М. Танич, профессор, медик В. Леменев, кинорежиссер Б. Шейнин. Возглавляет совет общества депутат Верховного Совета СССР Л. Шапиро. Благотворительные концерты в фонд нашего общества дадут А. Пугачева, Г. Хазанов, М. Жванецкий. Театр едет в Киев на гастроли, и мы надеемся отработать один спектакль в счет общественного фонда...

К. М и ш и н а

«Правда», 12 ноября 1988 г.

Оптимистический комментарий

Свершилось! Наконец-то и те, кто так самоотверженно заботился о культуре других народов, решили приняться также за восстановление своей национальной культуры, то есть стать «дважды культурными». Общая радость: значит, радетели еврейской культуры станут еще бережней относиться, к примеру, к русской культуре, значит, и все мы обогатимся восстановленными ценностями с помощью инициаторов «Шолома».

Художественный руководитель еврейского театра А. Левенбук задает в этой правдинской реляции риторические вопросы о том, что негде ныне посмотреть еврейское кино, купить ноты с еврейскими песнями, «открыта всего одна, и то самодеятельная, библиотека. И

при всем при том речь идет о народе с древнейшей культурой». Этой фразой театральный деятель заканчивает констатацию современной еврейской культурной бедности при историческом ее богатстве. Он никого не упрекает, так как это было бы несправедливо. Не упрекает он и себя. Фатальный как бы упадок еврейского в евреях и в неевреях. Впрочем, создание общества «Шолом» — попытка управлять судьбой еврейской культуры.

Радетели еврейской культуры! Господь вам навстречу. Любящий, освобождайся от агрессивного страха.

Радетели русской культуры! Еще раз поучитесь, посмотрите, с какой уверенностью люди еврейского происхождения и ценители еврейского искусства строят свое общество. А вы, неужели вы привыкли быть национальным остатком, нулем? Русские все еще боятся быть русскими?

В Свердловске, например, что-то не спешат видные деятели культуры и науки (а их здесь тьмы и тьмы!) поддержать ВООПИК или историко-культурное объединение «Отечество», хотя уже два года назад оно высказало идею создания в столице Урала Дома пропаганды русской истории и культуры с культурным центром, знакомящим с другими национальными достижениями. Помочь «Отечеству» мешает газетный миф о нем? Вероятно. Отчего же тогда идейно богатые и уравновешенные, высокообразованные, глубоко воспитанные, с чутким гражданским сердцем соотечественники не увидели оскудения русской культуры раньше «лапотного ополчения национальной культуры», то есть демократического «Отечества», почему не принялись раньше него восстанавливать порушенное, умело отмахиваясь от сторожевых ос ложного интернационализма? Отчего наши «видные» до сих пор не начинают инициативную работу? Пусть крепнет ВООПИК? Да здравствует Советский фонд культуры? Приветствуем муравьиную активность любительских объединений патриотического характера? Пусть копошатся неформалы? Чего ждете вы, в буквальном смысле слова дорогие (дорогостоящие!) сыновья и дочери Отечества нашего, чего ждете вы?

Чего ждете вы? Команды начальства? Но бюрократ в покое жиреет, когда рабсила денационализирована, деморализована. Не позовет высоколобых пробуждать достоинство масс. Чего ждете вы? Запрет с национальных культур как будто бы снят, безопасный путь к народу открыт. Спасайте его, тонущего в вине, да спасены будете...

Действительно, как изменилось то, чего нет, но меняет все. Как помолодел дух времени. Посветлели и кое-какие лица. Еще вчера университетские доценты и профессора вскипали, простите, как чайники, когда натыкались в дерзком уставе «Отечества» на слово «русское». И пожимали плечами, воздевали руки к небу, вскакивали на особом совещании у зав. городским отделом культуры, а затем, утомившись, упрашивали членов совета «Отечества» заменить «русское» на «национальное».Имелось в виду русское наследие. «Сколько можно засекречивать нашу национальность!» — говорили упрямцы. Они были за расцвет любой культуры и не понимали, почему нельзя открыто заботиться о своей. О русском, прежде всего, видимо, должны заботиться русские, о татарском — татары. Неужели, самоотрекаясь, мы доживем до времен, когда из каких-либо утилитарных соображений начнется сверху русификация русских? Если, скажем, еврей хочет называть себя евреем, то пусть он так делает и заботится об удовлетворении своих национальных потребностей. Если другой еврей не хочет говорить о том, что он еврей, и не интересуется никакой другой культурой, допустим, кроме русской, то это, как говорится, его личные проблемы. Не сказано: евреем быть обязан. Сказано: гражданином быть обязан. И потому пусть эти два еврея не гробят друг друга за разные позиции. И пусть так будет с людьми всех национальностей. И со всеми народами. Пора самому народу определять темпы интернационализации, а не погоняльщикам, которые кормятся на исторических приписках, на ускорении социальных процессов. Дайте нам, говорили мы два года назад обществоведам, дайте нам свободно быть русскими — не в обиду никому. Мы тревожимся за печальное состояние русского. Мы хотим выявлять, сохранять и пропагандировать национальные ценности. Но… Тогда испуганные обществоведы зажгли перед нами

«красный свет». Повесили на нашей инициативе табличку «Проверено Уральским университетом. Мины есть». И административная система бросила поперек нашего пути бревно. Мы не можем обрести юридическое лицо. И нельзя развернуть в Свердловске общество русской культуры, скорее в нем появится филиал «Шолома», судя тому, как он беспрепятственно растет.

И вот обновленный дух времени разрешает с волшебной легкостью открыть в Москве общество еврейской культуры. Никого это не возмущает. А нас, членов «Отечества», это даже воодушевляет. И наша надежда укрепляется. Может, теперь-то и мы, патриоты русской культуры, тоже войдем в свой Дом, где будет, как и предлагалось два года назад, историческая библиотека, где также прозвучит концерт редкостной исполнительницы старинных песен, где откроется выставка старопечатных книг, где проведут вечер, посвященный духовному наследию спасителя земли русской Сергия Радонежского, где энтузиасты организуют фестиваль личных коллекций, где явится многое другое, что сохранено, но все еще таится по уголкам домов и душ.

Опасная провокация!

В десятом номере журнала «Знамя» за 1988 год воспроизведена почтовая открытка с угрозой в адрес главного редактора Г. Бакланова. «Мы с тобой расправимся! Возмездие неотвратимо!» И подпись: «Боевики патриотической организации «Память». Почерк— малограмотного... Первое чувство, когда видишь открытку и комментарий к ней самого главного редактора: зачем делегат партконференции Г. Бакланов, кстати, показавший непоследовательность своего поведения на высокой трибуне и, похоже, не сделавший из этого вывода, зачем он берет из редакционной почты эту гадость? Мало ли что попадается в журнальной почте, так сказать, в потоке массового сознания. Для чего тиражировал опытный редактор эту гадость на всю страну?

Открытка-то анонимная. Надо ли было за нее хвататься, как за доказательство крайней агрессивности мифической «Памяти»?

Сомнения не обманули…

Оказывается, еще 20 августа, когда десятый номер «Знамени» находился в типографии и открытку с комментарием при большом желании можно было снять, задержали того, кто послал угрозу в адрес Г. Бакланова, и не только в его, но и в адрес многих деятелей культуры еврейского происхождения. Задержанный стал подследственным. Дело будет рассматриваться в Василеостровском суде.

А 28 октября в ленинградской телепередаче «600 секунд» следователь городской прокуратуры Ленинграда Ирина Абакумова объяснила, что «Память» невинна. Открытки писал один гражданин. В содеянном сознался. Почему он занялся столь опасной провокацией? Подследственный пояснил, что до такой степени ненавидит организацию «Память», что ему страстно захотелось как-либо подорвать ее авторитет. Так как писать боевые статьи против «Памяти», произносить против нее яркие речи не умеет, то стал делать то, что умеет...

Повторяем: следствие продолжается. Надеемся, что главный редактор продолжит разговор на страницах «Знамени» так, как его повела жизнь. Надеемся также, что и центральные газеты глубоко проанализируют эту историю, чтобы все провокаторы поняли: их ждет неминуемо народный суд!

...Зовут подследственного Аркадий Михайлович Норинский...

19 ноября в газете «Известия» опубликовано интервью с Г. Баклановым, в котором на вопрос о том, какую черту он не может переступить как редактор, ответил: «Нельзя, например, разжигать зло, а это пытаются делать. Гласность не дает права на безответственность». Надо ли было раздувать уголек подметной открытки? И в этот же день во втором выпуске газеты «Правда» появилось сообщение о том, что пачкун Норинский осужден на полтора года условно... Надеемся, что все же найдутся журналисты, которые проанализируют эту историю.

Ноябрь, 1988

О Народном фронте

Народный фронт в Свердловске действует! Он становится общественной силой. Что думают о нем, как говорят об УНФ свердловчане?

Одни, привычно поучая, говорят нам, активистам УНФ, во время встреч с трудовыми коллективами: «Если каждый на своем рабочем месте будет самоотверженно трудиться, тогда и никакого фронта не надо будет». Мы уже так безоглядно поработали, что в стране скопилось, как утверждают специалисты, никому не нужной продукции стоимостью более чем на 500 миллиардов рублей. Что это? Во всем мире понимают: это — наш национальный позор. Недоброкачественная, плохо управляемая работа стала бедствием для природы, мукой для человека. Поэтому нужна радикальная реформа. Народный фронт содействует ее проведению, утверждению новых экономических отношений. А новое, как известно, не свалится на наши с вами рабочие места, как манна небесная, новое рождается в борьбе. С кем? С теми, кто стремится сохранить управление страной во лжи. С теми, кто привык получать незаработанную зарплату.

Другие задают нам, активистам УНФ, «коварный» вопрос: «Если вы такие высокоидейные, то почему вас не поддерживает горком партии и горисполком, почему пресса не дает вам сказать слово?»

Чего больше в этом вопросе — наивности или лукавства? Наивно думать, что командно-административная система (ее составная часть — газеты) поспешит помогать расти народной инициативе. Таким образом она приблизит конец управлению для себя, а не для блага народа. Лукавство в этом вопросе нацелено на то, чтобы опорочить в глазах людей идею Народного фронта. Тут расчет на тех, кто вырос в атмосфере: все мудрое — от начальства, а коли начальство что-то придерживает, значит, то — политически незрелое.

Третьи нам, активистам УНФ, говорят через толстую губу: «Ну, покажите нам, как вы делаете перестройку, покажите, тогда и мы...» Такая психология — наследие эпохи высокооплачиваемых массовиков-затейников и равнодушных строителей светлого будущего.

Много чего говорят об Уральском Народном фронте. Вполне законная разноголосица мнений.

Самый же ценный вопрос такой: «Где найти вас, активистов УНФ, куда прийти, чтобы стать участником Народного фронта?» Мы собираемся каждую субботу в 18 часов в ДК им. Свердлова. Как мы действуем?

Мы практически помогали бригаде сантехников Юрия Лебедева перейти на хозрасчет.

Мы помогаем подготовить учредительную конференцию в микрорайоне «Комсомольский-2», на которой будет создан совет микрорайона.

Мы помогаем Совету трудового коллектива цеха № 55 Уралмаша выстоять в борьбе за рабочее самоуправление.

Мы помогаем жильцам нескольких общежитий, адски переуплотненных, самоорганизоваться и успешнее отстаивать свои права на нормальные жилища.

Все больше дел у фронта.

Однако городской совет УНФ— не пожарная команда, а координатор народной инициативы.

Народный фронт — движение трудящихся. Создавайте инициативные группы! По месту работы. По месту жительства.

Народный фронт — это организация избирателей. Мы призываем свердловчан не ждать готовых сходов и собраний, а организовывать их самим, чтобы выдвигать кандидатами в депутаты тех, кто способен быть политическим деятелем, кому вы доверите депутатский мандат!

Послесловие

Собранные здесь статьи написаны 30 лет назад. С тех пор много воды утекло: нет уже СССР, Свердловска, горкома и горисполкома… Мы живем в другой стране и в другой реальности. Однако, читая статьи Липатникова, начинаешь на сегодняшнюю политическую активность смотреть под другим углом: его определения по-прежнему актуальны, как и образы Салтыкова-Щедрина, которого Юрий Васильевич любил цитировать.

У нас вновь у руля партия власти, а бюрократия, на волне борьбы с которой начиналась перестройка, – живее всех живых. От многочисленных проектов снова явственно веет показухой, а юные коллеги-журналисты осваивают пропагандистские приемы, и их риторике позавидовали бы старшие товарищи из партийной прессы. И даже народный фронт создан, как и предупреждал Липатников, с одобрения власть предержащих и для обеспечения их интересов.

А в прошлом году в Екатеринбурге возобновились заседания «Дискуссионной трибуны». Как и три десятилетия назад, вел их один из главных разрушителей Советского Союза Геннадий Бурбулис. И где — в Ельцин-центре, грандиозном музее, призванном укоренить в умах юных граждан искаженный образ 90-х.

Многие из тех, особенно молодых, кто сегодня приходит в Ельцин-центр и на заседания новой «трибуны», действительно верят музейной экспозиции и видят романтический ореол искреннего борца с режимом над челом Бориса Ельцина. В этом и суть «промывания мозгов». Они, обманываемые нынешними идеологами, не жили в те годы либо были слишком малы, чтобы понимать суть событий. Не разобравшись в прошлом, они не поймут и сути настоящего. Статьи Липатникова могут открыть глаза на многое. Для начала тем, кто хочет знать и понимать, стоит с помощью Юрия Васильевича уяснить огромную разницу между патриотизмом и компрадорством, демократией и групповщиной, либерализмом и либерастией. И не забывать об этом.

Антология «ОТЕЧЕСТВА»

(выпуск 1)

Избранные статьи, очерки, выступления

Юрия Васильевича Липатникова

Верстка,
дизайн обложки
Ю.В. Савельев

Ответственный за выпуск
Ю.В. Савельев

Подписано в печать 20.12. 2018г. Формат 60х84, бумага офсетная, Гарнитура Times New Roman, ризограф, авт. листов 1,92, тираж 80 экз. Заказ №,____ .

Отпечатано в типографии ИД «АПРОШ»